

Генри Хейл

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ АВТОКРАТИЯ НА МАРШЕ?

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК НОРМАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ
ПАТРОНАЖНОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПРАВЛЕНИЯ¹

Какое влияние евразийские «цветные революции» 2003–2005 годов оказали на состояние демократии в посткоммунистическом регионе? Широкое распространение получили три точки зрения. Во-первых, «революция роз» в Грузии 2003 года, «оранжевая революция» на Украине 2004 года и «тюльпановая революция» в Кыргызстане 2005 года истолковывались как большие достижения народной демократии в этих странах, случаи, когда граждане забрали власть в коррумпированных государствах от автократических лидеров (Банс, 2006; Karatnycky, 2005; McFaul, 2005; Silitski, 2005a). Во-вторых, многие из этих мыслителей утверждали, что «цветные революции» служили олицетворением «демократии на марше» в регионе, где каждая успешная революция способна вдохновить или как-то иначе способствовать революционному поведению в других странах (Банс, 2006; Beissinger, in press; Karatnycky, 2005; Silitski, 2005a; Weir, 2005; Wilson, 2005a; Kuzio, unpublished). В-третьих, некоторые из этих авторов также отмечали противоположный эффект. Автократические правители также извлекали уроки, видя, как свергали их соседи, и сократили перспективы для демократии у себя, резко подавив сопротивление (Carothers, 2006; Herde, 2005; Silitski, 2005b). И все ожидали поляризации режимов в регионе: революционные страны семимильными шагами идут к демократии, а неревolutionные страны упорно движутся в противоположном направлении.

В настоящей статье предлагается иная точка зрения, которая поначалу может показаться парадоксальной: (1) «цветные революции» отражают скорее преемственность, чем изменения в политике этих стран; (2) перспекти-

1. Henry E. Hale, «Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism», *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, no. 3, 2006, p. 305–329.

вы революции не стали лучше после усвоения уроков защитниками демократии; и (3) усилия автократов по недопущению демократии на самом деле могут сделать более вероятной революцию в их собственных странах. Необходимо понимать динамику ряда политических институтов, которые сложились в большинстве евразийских стран в 1990–2000-х годах: *патронажного президентского правления*. Эти институты отмечены регулярными и достаточно предсказуемыми колебаниями между периодами политической закрытости и периодами (иногда внезапной) политической открытости, включая феномены, обычно называемые «цветными революциями». Открытость может сохраниться и привести к подлинной демократизации в случае изменения в фундаментальных институтах патронажного президентства. Но в Кыргызстане и Грузии дело обстоит иначе, и в обеих этих странах наблюдается немного признаков подлинно демократического прогресса. Только на Украине «цветная революция» привела к серьезным институциональным изменениям, и только там мы наблюдаем впечатляющее движение к демократии. Что касается нереволлюционных государств, то и сторонники демократии, и действующие автократы извлекли свои уроки, но эти уроки не были верными из-за распространенного непонимания действительных источников и значения «цветных революций». Интереснее всего, что ошибочные уроки, извлеченные автократами, могут на самом деле ослабить их: безжалостно подавляя неправительственные организации, выступающие за независимость, и разрывая связи своих обществ с внешним миром, они могут непреднамеренно подорвать один из важнейших источников силы патронажного президента, сделав революцию *более*, а не менее вероятной (и, к сожалению, также более вероятным применением насилия).

Эти открытия позволяют сделать по крайней мере два важных вывода для сравнительной политологии. Во-первых, они показывают важность институционального устройства в гибридных режимах при определении того, останутся ли эти режимы в состоянии гибридности или в конечном итоге перейдут к демократии или автократии. Во-вторых, они показывают, что теории извлечения политических уроков не обязательно должны означать, что извлекаются верные уроки: точно так же, как генералы иногда идут «в последний и решительный бой» и терпят страшное поражение, так и активисты и лидеры могут неверно понимать драматические политические события и предпринимать ответные действия, которые не возымеют серьезного эффекта или же приведут к неблагоприятным последствиям.

ПОНИМАНИЕ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»²

В большинстве бывших советских государств правят институты, которые можно было бы назвать «патронажным президентским правлением». Власть принадлежит в основном напрямую избираемому президенту, и эта

2. Подробное изложение теории, вкратце представленной здесь, и анализ всех патронально-президентских стран в постсоветской Евразии см.: Hale (2005).

власть связана не только с формальным, но и с огромным неформальным авторитетом, основанным на широких отношениях патрона-клиента и беспринципной политике партийного руководства (Fish, 2005; Hough, 2001; Wilson, 2005b). Важность неформальных сетей и власти — пережиток советской эпохи, хотя особая природа политических машин и политики патронажа во многом является продуктом самого посткоммунистического перехода — особенно политики приватизации и преобразований в отношениях центра-периферии (Derlugian, 2005a, b; Hale, 2003; Schatz, 2004; Way, 2004). Конечно, не все коммунистическое наследие — это советское наследие, которое справедливо описывалось как наследие патримониального коммунизма (Kitschelt et al., 1999). Рассматриваемые здесь случаи включают страны, названные Китчхельтом и другими (Kitschelt et al., 1999) носительницами патримониального наследия и, по оценке Фиша (Fish, 2001), имеющие президентскую форму правления.³ Хотя схожую динамику можно наблюдать в странах, которые не являются патронажно-президентскими в полном смысле слова, например в Сербии или Словакии, они требуют отдельного рассмотрения, так как вследствие институциональных различий в них могут действовать иные факторы.⁴

Патронажное президентское правление и автократия

Хотя огромная власть, которой обладают патронажные президенты, может быть использована для улучшения общества, она также может быть крайне неэффективным оружием для подавления или привлечения на свою сторону (потенциальной) оппозиции. Поскольку это орудие проникает глубоко в общество, почти всякий, кому есть что терять в обществе, может лишиться этого в пользу президента. Крупные компании (возглавляемые «олигархами») могут лишиться лицензий или своего руководства, преследуемого за уклонение от уплаты налогов. Выборные лица могут сниматься с выборов коррумпированными судами или казаться своим противникам слишком хорошо финансируемыми. Многие из этих «элит» могут просто покупать, получая тайные банковские счета или чемоданы, полные наличных. Их также могут шантажировать компроматом, собранным государственными органами безопасности, — тактика, которая наиболее ярко показала себя на Украине с обнародованием аудиозаписей разговоров президента (Darden, 2001).

В теории региональные боссы или крупные предприниматели могут объединиться и сместить президента. Но президент обладает огромным преимуществом в такой борьбе, так как он может играть на различных интересах этих элит, разделяя и правя ими. Патронажные президенты, вроде российского Бориса Ельцина и украинского Леонида Кучмы, к примеру, были

3. Молдова отказалась от своей президентской системы в пользу парламентской после того, как статья Фиша (Fish, 2001) была направлена в печать.

4. Из того факта, что две революции кажутся схожими и часто считаются схожими, не следует, что они на самом деле или в полной мере служат отражением одного и того же явления.

известны тем, что они настраивали основные группы сторонников друг против друга, и нынешний российский президент Владимир Путин долгое время занимался тем же самым с неформальными кремлевскими «группами», иногда называемыми «силовиками» и «питерскими юристами».

Когда патронажный президент прочно сидит на своем посту, те, кто обладает большим финансовым или политическим влиянием в обществе, будут стараться избегать всего, что напоминает попытку бросить вызов режиму. Это значит, что идеологическим противникам президента будет трудно получить какую-либо материальную поддержку, будь-то финансовую или эфирное время. В такие времена страна с патронажными президентскими институтами очень сильно напоминает классический автократический режим. Это Украина 1999 года (D'Anieri, 2001; Kuzio, 2005b), Россия 2004 года (Fish, 2005) и Узбекистан последних 15 лет (Jones Luong, 2002).

*Патронажное президентское правление,
преемственность и «демократические прорывы»*

И всякий раз, когда кажется, что патронажный президент дышит на ладан, ситуация резко меняется. Не все бывшие советские страны сталкивались с подобным: с середины 1990-х президенты Белоруссии, Казахстана, Таджикистана нарушали первоначальные конституционные ограничения сроков правления, выказывали свое желание остаться у власти и при этом оставались достаточно здоровыми, чтобы можно было рассчитывать на то, что они в скором времени покинут политическую сцену. Тем не менее в других постсоветских странах у многих заинтересованных лиц в обществе возникло подозрение, что патронажный президент может не пойти на перевыборы. В России, Кыргызстане и Грузии действовавшие президенты — Борис Ельцин, Аскар Акаев и Эдуард Шеварднадзе — ясно дали понять до президентских (или предшествующих президентским парламентских) выборов, что они не будут нарушать конституционных ограничений срока правления и не станут снова бороться за свой пост. Патронажные президенты также могут утрачивать дееспособность вследствие болезни, как азербайджанский президент Гейдар Алиев (и Ельцин), порождая ожидания, что они вскоре уйдут или умрут. Другие могут просто решить не переизбираться из-за огромной непопулярности, подобно Кучме, который отказался от участия в кампании по выборам президента 2004 года после публичных обвинений в убийстве журналиста и других серьезных проступках. Способность президента поддерживать веру в себя среди элиты также может быть поколеблена военным поражением, как в случае с победой НАТО над Сербией Слободана Милошевича в 1999 году.

Когда по тем или иным причинам ожидания ухода президента получают широкое распространение, президент становится «подбитой уткой», кем-то, кого считают обреченным и, следовательно, все менее способным поддерживать сплоченность своей команды, так как он не в состоянии будет после выборов наказать «предателей». Например, перед уходом Ельцина в России

в 1998–1999 годах многие из тех губернаторов и олигархов, которые обеспечили его переизбрание в 1996 году, решительно поддержали популярного бывшего премьер-министра (Евгения Примакова), который был отправлен в 1999 году в отставку самим Ельциным и который призывал к судебному преследованию основных союзников Ельцина (Hale, 2006). Перед тем как оставить пост президента Украины в 2004 году, большинство западноукраинских элит и некоторых крупных компаний, которые поддержали Кучму в 1999 году, решили сделать ставку на Виктора Ющенко, наиболее популярного противника его режима (Арель, 2005; D'Anieri, 2005a; Way, 2005b).

Хотя уходящий президент может попытаться оставить своего политического преемника и подстроить его победу на следующих президентских выборах, как сделал Ельцин в 1999 году, приведя к власти Путина, это не всегда решает проблему. С одной стороны, региональные и деловые лидеры обычно имеют разные интересы и делятся на конкурирующие группы. Хотя все они собираются вокруг президента, когда тот прочно держит власть в своих руках, они одновременно соперничают друг с другом за расположение президента и распределение ресурсов, которое оно за собой влечет. Проблема уходящего президента состоит в том, что только один человек (и, следовательно, представитель только одной группы) может быть избран преемником. Конкуренты преемника имеют основания опасаться, что будущая администрация закроет перед ними двери или, возможно, что еще хуже, лишит их активов, заставит покинуть страну или посадит в тюрьму. Когда Кучма объявил своим преемником бывшего главу донецкой области Виктора Януковича, представители западных регионов Украины и деловые конкуренты влиятельного олигархического донецкого «клана» были встревожены тем, что его победа могла означать пренебрежение их интересами, независимо от того, поддержат они его на выборах или нет. В то же время пропрезидентские конкуренты в таких обстоятельствах склонны думать о богатстве, которое они могут получить, если вовремя оставят команду уходящего президента.

Таким образом, всякий раз, когда элиты начинают подозревать, что патронажный президент может оставить власть, это грозит раскрытием ящика Пандоры политической борьбы. Поскольку ставки здесь крайне высоки — сам пост патронажного президента, — эта борьба может быть необычайно жестокой, связанной с тактикой наиболее изощренных и низменных манипуляций в духе Босса Твида. В России в 1999 году управляемое олигархами телевидение (особенно пропутинские ОРТ и РТР и пропримаковское НТВ) развернуло войну обвинений и клеветы, а региональным политическим машинам пришлось занять ту или другую сторону, чтобы сокрушить противников и привести к власти своих избранных союзников (Hale, 2006). На Украине в 2004 году соперничество вылилось в явные злоупотребления и даже попытку убийства (Kuzio, 2005a; Way, 2005a; Wilson, 2005a).

Эта борьба не ограничивалась одной только элитой. Поскольку общественное мнение служит одним из ресурсов в борьбе, это соперничество элит нередко открывает политическое пространство для массового участия, включая уличные выступления протеста, когда страсти накаляются

ся. На украинском майдане имело место беспрецедентное стечение народа; уличные выступления протеста также сыграли важную роль в Грузии, когда Михаил Саакашвили штурмовал здание парламента, и в Кыргызстане, когда антиакаевские силы изгнали президента из страны. Хотя толпы иногда бывают неуправляемыми, такие периоды политического соперничества способны создать ощущение того, что страна, некогда выглядевшая крайне авторитарной, становится куда более похожей на демократию, особенно в случае победы оппозиции. Отсюда склонность объявлять «оранжевую», «розовую» и «тюльпановую» революции демократическими прорывами.

Что же можно сказать о причинах «цветных революций»? Прежде всего, мы видим, что «цветные революции» 2003–2005 годов произошли только в тех странах, где президенты были «подбитыми утками» перед приближением следующего тура парламентских и президентских выборов.⁵ Шеварднадзе еще в 2002 году заявил, что он не будет баллотироваться на пост президента Грузии, ослабив тем самым свою способность сплотить ряды на парламентских выборах 2003 года, которые многие считали проверкой сил перед новыми президентскими выборами (RFE/RL Newsline, 2002, Apr. 11). 27 февраля 2005 года Акаев, отдав свой голос на выборах в парламент, которые его команда пыталась подстроить в свою пользу, что в конечном итоге разожгло «тюльпановую революцию», заявил, что он не станет переизбираться на президентских выборах, которые должны были пройти в том же году немного позднее (Marat, 2005; Rhodes, 2005; TOL, 2005 and RFE/RL Newsline, 2005, Feb. 28). Со своей стороны, Кучма, несмотря на спорное постановление конституционного суда о том, что у него есть право на еще один срок у власти, не выдвинул свою кандидатуру на пост президента, поддержав потенциального преемника (Выдрин и Рожкова, 2005, 193–194, 200, 220, 257).

И только двум другим находившимся у власти «подбитым уткам» из числа патронажных президентов удалось гладко провести президентские выборы в конце 1990-х годов и в начале 2006 года: азербайджанский Гейдар Алиев и российский Борис Ельцин. Оба президента были тяжело больны и в конечном счете не стремились включить свои имена в избирательный бюллетень. Тем не менее оба смогли привести к власти своих преемников там, где другие потерпели провал. Почему дело обстояло именно так? Это подводит нас к двум другим факторам: общественному мнению и стратегии элиты. Случай Азербайджана иллюстрирует роль этих факторов наиболее ярко. Алиев, пользующийся большим уважением в Азербайджане как опытный патрон, был попросту популярнее Кучмы, Акаева или Шеварднадзе (все они были страшно непопулярны) и потому смог передать часть своего авторитета преемнику. Кроме того, Алиев снял свою кандидатуру всего за две недели до конца кампании, минимизировав время, необходимое для координации и организации потенциальных «изменников». И что было не менее важно: преемником Алиева был... Алиев! Преемником Гейдара Алиева стал

5. Здесь мы рассматриваем только период 2003–2005 годов. О посткоммунистическом периоде в целом см.: Hale (2005).

его сын, Ильхам Алиев. Сохранив руководство страной в семье и тщательно подготовив своего сына к новому для него посту, старшему Алиеву удалось избежать «ловушки преемника», необходимости выбирать преемника из нескольких конкурирующих элитных групп, которые были частью президентской команды. Младший Алиев наилучшим образом подходил для того, чтобы убедить другие, сопернические элитарные группы в том, что он сохранит коалицию его отца, ослабив страхи элит перед пере выборами, которые обычно вынуждали отдельных представителей идти перед выборами на «предательство» в надежде спасти свою шкуру (Hale, 2005). Ильхам Алиев, как сын уходящего патрона, также был естественным фокусом для координации элиты вокруг преемника, сделав координацию вокруг другого кандидата из числа элиты менее вероятной. Так, хотя в Азербайджане действительно имело место некоторое политическое соперничество после того, как Алиев-старший стал «подбитой уткой», он был единственным президентом, которому удалось успешно привести к власти своего политического преемника в «революционную» пору 2003–2005 годов.

Факторы народной поддержки и стратегии лидера также помогают объяснить, почему действовавшей команде в России удалось пережить свой период серьезного политического соперничества 1999–2000 годов, а Ельцину — успешно передать власть Путину. Несмотря на крайнюю непопулярность Ельцина, ему удалось избрать преемника, который приобрел необычайную популярность благодаря решительному силовому ответу на взрывы террористами жилых домов в Москве и других городах в последние несколько месяцев 1999 года (Hale, 2006). Ельцин предоставил Путину фору, подав в отставку и позволив ему стать действующим президентом перед президентскими выборами, которые прошли тогда раньше намеченного времени. Несмотря на наличие сильного соперника (Примакова), ключевые губернаторы и олигархи отошли ото всех соперников и сплотились вокруг Путина, который тогда без труда одержал свою первую победу на выборах.

ВЛИЯНИЕ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» НА РЕЖИМЫ В ЕВРАЗИИ

Если «цветные революции» служили, прежде всего, отражением раскола среди элит, вызванного синдромом «подбитой утки» и непопулярностью патронажных президентов, какое влияние они оказали на типы политических режимов, существовавшие в постсоветской Евразии? Здесь важно разделить эти страны на две категории, так как последствия «цветных революций» во всех странах были различными. Сначала мы рассмотрим воздействие революций на страны, которые действительно пережили революции: Грузию, Кыргызстан и Украину. Затем мы обратимся к неревolutionным странам, рассмотрев, каким образом революционные события у соседей повлияли на перспективы демократии у них. В каждом случае мы обнаружим, что логика, описанная выше, подводит нас к некоторым интересным выводам. Так, складывается впечатление, что аналитики, возможно, переоценивают степень, в которой «цветные революции» действительно озна-

чали поворот к демократии для тех стран, в которых они произошли; только на Украине наблюдаются признаки по-настоящему демократического прорыва (хотя ситуация здесь тоже может измениться). В (еще пока) нерволюционных странах мы наблюдаем процесс «усвоения уроков» оппозицией и проправительственными элитами. Но это «усвоение уроков» часто основывается на ошибочных интерпретациях причин революций. Самые серьезные ошибки, по-видимому, были совершены наиболее авторитарными правительствами, которые тем самым могут увеличить вероятность своего собственного революционного свержения. Но эти ошибки также означают, что последующие революции, вероятно, будут иметь более анархичный и даже насильственный характер, не похожий на более упорядоченную и мирную передачу власти, которая произошла на Украине и в Грузии.

Прямое воздействие: революционные страны (Грузия, Кыргызстан, Украина)

Хотя послереволюционные лидеры в Грузии, на Украине и в Кыргызстане могут обладать силами и личными связями, необходимыми для того, чтобы повернуть свои страны к демократии (McFaul, 2002), есть веские основания полагать, что любые попытки совершить подлинно демократический прорыв будут наталкиваться на серьезное противодействие до тех пор, пока институты патронажного президентского правления будут оставаться неизменными. Как только одна из сторон одерживает политическую победу и получает патронажного президента, даже если результат определен демократически, у элит общества имеются стимулы для того, чтобы вновь сплотиться вокруг нового президента, дабы избежать попадания в немилость. Это происходит потому, что патронажный президент так или иначе влияет на судьбы этих лиц и кругов: активно (репрессии или вознаграждение за лояльность) или пассивно (не обращая внимания на обвинения в коррупции в их адрес или игнорируя просьбы о предоставлении ресурсов).

Даже благонамеренные президенты могут обратиться к беспринципной тактике для победы над «упрямой», «устаревшей», «непатриотичной», «про-российской» или «нелегитимной» оппозицией, которая выступает против того, что они действительно могут считать необходимыми демократически или рыночными реформами. Соблазн, возникающий перед патронажными президентами, таким образом, состоит в том, чтобы имеющимися силами навязать реформы сверху, а не создавать широкие коалиции, которые могут потребовать других типов институтов. В результате, по иронии судьбы, может произойти возврат к авторитарной политике, которая была мишенью критики нового лидера перед его приходом к власти. И не следует забывать, что «ветхие диктаторы», смещенные во время «революции роз» и «оранжевой революции», некогда считались просвещенными героями либерализма, пытавшимися избавить свои страны от коррупции и авторитарных методов правления: Эдуард Шеварднадзе, решительный сторонник прозападной политики при Горбачеве, и Аскар Акаев, прежде считавшийся единственным демократически настроенным среднеазиатским лиде-

ром, который выдвинулся как ученый, а не как партийный аппаратчик или государственный бюрократ.

Первые признаки этой повторной консолидации элит наиболее заметны в Грузии, начиная с ошеломительной 96% победы Михаила Саакашвили на президентских выборах января 2004 года, которые последовали сразу за «революцией роз». В итоговом докладе ОБСЕ отмечалось, что, хотя выборы были организованы лучше по сравнению с последними выборами при Шеварднадзе, все еще «сохранялось недостаточное разграничение между государственной администрацией и политическими партийными структурами» и «склонность к нецелевому использованию административных ресурсов государства» (OSCE, 2004, 1–2). Саакашвили выполнил несколько важных задач, которые казались благом для общества, включая усилия по борьбе с коррупцией в полицейских структурах и «обелению» «черного рынка». Но, как и все остальные демократы, оказавшиеся в ситуации патронажных систем, он решил, что необходимые реформы лучше всего проводить решительными действиями начальства без разделения власти и опоры на компромиссы с основными оппозиционными силами. Так, Фейрбэнкс (Fairbanks, 2004) отмечает, что Саакашвили заменил «суперпрезидентские» институты еще более сильно скон-

ДАЖЕ БЛАГОНАМЕРЕННЫЕ ПРЕЗИДЕНТЫ МОГУТ ОБРАТИТЬСЯ К БЕСПРИНЦИПНОЙ ТАКТИКЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ НАД «УПРЯМОЙ», «УСТАРЕВШЕЙ», «НЕПАТРИОТИЧНОЙ», «ПРОРОССИЙСКОЙ» ИЛИ «НЕЛЕГИТИМНОЙ» ОППОЗИЦИЕЙ

центрированными «гиперпрезидентскими». Например, одна из реформ позволила президенту назначать всех девяти судей конституционного суда, тогда как раньше парламент, верховный суд и президент имели право назначать по трое судей (RFE/RL Newline, 2005, Jan. 19). В своем обращении к нации 2005 года он зашел настолько далеко, что предложил запретить партии, выступающие против его прозападной позиции (RFE/RL Newline, 2005, Feb. 11). Когда популярность самого Саакашвили пошла на спад, по некоторым свидетельствам, близкие к нему силы попытались оказывать давление на средства массовой информации, как говорится в независимом отчете *Human Rights Watch* за 2006 год (RFE/RL Newline, 2005, Jul. 11; 2006, Jan. 19).⁶

И, как утверждает Дерлугьян (Derlugian, 2004), «революция роз» вовсе не упразднила отношения патрона и клиента, лежавшие в основе политической экономики Грузии; Саакашвили, по-видимому, проще работать в структуре патронажного президентского правления, чем пытаться изменить политическую систему Грузии в целом. Хотя нельзя исключать того, что он следует стратегии демократизации, которая может окупиться в дол-

6. О падении популярности см.: RFE/RL Newline, 2005, Apr. 5.

госрочной перспективе, теперь кажется более вероятным, что он пойдет по пути своего предшественника (также некогда считавшегося «демократом»), поскольку система патронажного президентского правления в Грузии переходит от фазы соперничества к новой фазе консолидации.

Если Грузия выказывает явные признаки новой консолидации элиты в циклической фазе автоматизации, то Украина, по-видимому, показывает, как можно избежать циклов и совершить подлинный демократический прорыв. По иронии судьбы, это вовсе не связано с тем, что самый решительный защитник демократии — Ющенко — получил пост президента в ходе «демократической революции». Напротив, результатом борьбы за власть на Украине в 2004 году был тупик, из которого удалось выйти только тогда, когда Ющенко в декабре 2004 года согласился ослабить президентскую власть, которую он стремился получить (Christensen et al., 2005). Конституционная реформа, вокруг которой все и крутилось, передала некоторые важные полномочия президента парламенту, включая самое важное право назначать премьер-министра с 2006 года. Хотя вступление этих реформ в законную силу было отложено до избрания парламента 26 марта 2006 года, они обеспечили важное осознание «безопасности пребывания в оппозиции» среди элит, искавших поддержки со стороны политиков, которые не пользовались покровительством президента. Личность Ющенко из-за слабости или верности демократическим идеалам, конечно, способствовала такому восприятию. Поскольку конституционная реформа вступила в силу только в 2006 году, в течение года он обладал суперпрезидентскими полномочиями Кучмы, но использовал их совсем иначе. И благодаря наличию четкого временного ограничения на обладание этими полномочиями элиты сознавали, что любые его обещания или наказания, могут быть отменены, как только парламент получит новые полномочия. Так, в январе 2006 года партия Януковича (Партия регионов) объединилась с блоком Юлии Тимошенко (которая разорвала с Ющенко в 2005 году, когда «оранжевая коалиция» начала распадаться) в старой Раде, чтобы отправить в отставку правительство Ющенко, которое возглавлялось тогда Юрием Ехануровым. Президенту дали понять, что оппозиция рассчитывает обладать серьезными политическими ресурсами в будущем и что дни президентского господства на Украине были сочтены (RFE/RL Newsline, 2006, Jan. 11). Ведущие оппозиционные политики делали громкие заявления, что премьер-министр, избираемый парламентом, будет обладать такой же независимой властью, как и президент (Известия, 2005, 23 сентября, UKL 363). На самом деле одна из стратегий Тимошенко в кампании 2006 года состояла в том, чтобы объяснить избирателям, что выборы на самом деле определяли, кто станет премьер-министром.⁷ Янукович, в свою очередь, предсказывал в январе 2006 года, что Партия регионов победит на выборах в Раду, что он вновь станет премьер-министром и что «оранжевый кошмар продлится недолго» (RFE/RL Newsline, 2005, Jan. 21).

7. Например, на рекламном плакате Тимошенко, который автор видел 10 марта 2006 года в городе Львове, 26 марта было названо днем выборов премьер-министра страны.

Так, хотя на первых выборах после «революции роз» в Грузии отсутствовала серьезная оппозиция, послереволюционные выборы на Украине были крайне острыми и получили высокую оценку со стороны международных наблюдателей. «Третий» тур президентских выборов 2004 года после заключения конституционного соглашения был весьма конкурентным, а проигравший «оранжевой революции» Янукович получил целых 44% голосов. Еще одним показательным примером служат выборы в украинскую Раду 2006 года: партия Януковича получила больше всего мест в парламенте, блок Тимошенко финишировал вторым, а пропрезидентская «Наша Украина» лишь третьей. В предварительном докладе ОБСЕ выборы были признаны свободными и справедливыми, в отличие от выборов времен правления Кучмы (OSCE, 2006).

Конечно, как заметил Д'Аньери (D'Anieri, 2005b), не всякое сокращение полномочий президента полезно для демократии. Разделение властей должно строиться таким образом, чтобы противоречия между различными ветвями власти разрешались спокойно и мирно. Разделение властей также требует соответствующих сдержек и противовесов. Без этого страна рискует оказаться либо в институциональном тупике, либо столкнуться с серьезной узурпацией власти той или иной ветвью. Пока не ясно, обладает ли украинская политическая реформа этими чертами (Christensen et al., 2005). С одной стороны, новое разделение полномочий еще не прошло проверку на практике; только с новым парламентом станет ясно, каков действительный баланс сил и будет ли передачи формальных полномочий парламенту (и премьер-министру) достаточно для преодоления огромного неформального авторитета президента. Возможно, в последующие месяцы или годы реформы будут изменены или даже полностью отменены. Сами президенты, даже обладающие демократическим мандатом, редко бывают готовы отказаться от своих полномочий и обычно идут на это только под давлением. Так, как уже было замечено, когда Кучма был слабым, а его команда — уязвимой, он выступил за проведение конституционной реформы, которая разделила бы государственную власть, но оппозиция, которая считала себя способной завоевать президентский пост и заменить команду Кучмы своей, отвергла это предложение. Только тупик «оранжевой революции» заставил Ющенко согласиться с такой реформой, чтобы получить пост президента, и после этого он не раз критиковал введенные изменения, предлагал поправки, которые укрепили бы влияние президента, и выступал за проведение референдума по этому вопросу (RFE/RL Newslines, 2006, Jan. 18, Feb. 13). Также существует возможность отмены реформ судебной властью. По замечанию правоведа Фьюти (Futey, 2005), все еще имеются технические основания, по которым украинский суд вполне может провалить реформы.⁸

8. Например, конституция предусматривает, что поправка, отклоненная парламентом, не может быть пересмотрена в течение года, но ключевые положения реформы декабря 2004 года были отклонены парламентом всего за восемь месяцев до этого.

Если на Украине наблюдается послереволюционная демократизация через революционный тупик, а в Грузии происходит новая консолидация элиты после того, как одна сторона одержала безоговорочную победу в революционной борьбе, то Кыргызстан представляет собой любопытный промежуточный случай. Здесь элиты также пришли в тупик, но это произошло *после* победы революции. В отличие от Грузии и Украины, в Кыргызстане не было какой-то одной фигуры, которая была бы признана основным лидером оппозиционных сил до революции. Напротив, за эту роль конкурировало множество лидеров, и элиты не скоординировали усилия вокруг какого-то одного лидера (McGlinchey, 2005). Так, «тюльпановая революция» началась не в центре, а в областях. Точнее, она началась в южных областях: элиты Кыргызстана («кланы» и региональные заинтересованные группы) долгое время были расколоты по линии север/юг, определявшейся географией; на Севере сильно было российское влияние, а на Юге — узбекское присутствие. Находившийся у власти Акаев контролировал, прежде всего, северную часть, что означало, что Юг был заинтересован в его свержении. Но Акаев также имел противников среди заинтересованных кругов Севера. После того как демонстрации свергли некоторых представителей режима Акаева на Юге, они переместились на север, в Бишкек, где жители Севера также присоединились к волнениям, сбросив в конечном итоге Акаева.

Но хотя северная и южная оппозиция сходились в этом результате, они резко расходились в вопросе о том, кому должна перейти власть в послереволюционном Кыргызстане. Сразу после революции верховный суд признал временное сохранение полномочий за старым парламентом (а не за спорным новоизбранным), и этот старый парламент вскоре предложил на пост действующего президента наиболее видного южного лидера оппозиции, бывшего премьер-министра Курманбека Бакиева для выхода из тупика (RFE/RL Newline, 2005, Mar. 25). Наиболее видный северный противник Акаева, бывший вице-президент Феликс Кулов, находился в тюрьме и был освобожден только после победы революции. Согласно опросам общественного мнения, проведенным перед президентскими выборами, Бакиев и Кулов шли почти наравне; Бакиев лишь ненамного опережал Кулова (RFE/RL Newline, 2005, Jun. 10). Опасаясь, что столкновение между Севером и Югом может завершиться насилием, когда ни одна из сторон не была уверена в своей победе, Кулов и Бакиев достигли согласия, которое, по словам Бакиева, «позволит консолидировать политические силы, представляющие Юг и Север нашей страны» (Gazeta. Kg, 2005, Jun. 28, 21: 06). Кулов согласился уступить президентский пост Бакиеву взамен на обещание поддержать конституционную реформу, которая передаст президентские полномочия премьер-министру — пост, обещанный Кулову. И хотя этот «тандем» победил на президентских выборах почти с 90% голосов, Кыргызстан вышел из революции с надеждой, что патронажная президентская система не сможет просуществовать долго.

Но «реформа» Кыргызстана открывает намного меньше перспектив для демократии, чем Украина. Кыргызстанская реформа не была официально

кодифицирована; она остается, в сущности, джентельменским соглашением, которое дает немного гарантий того, что элитарная оппозиция не будет в конечном итоге наказана, как это было при Акаеве (Gazeta. Kg, 2005, Jun. 30, 19: 59). Хотя Бакиев пока соблюдает соглашение о разделе власти с Куловым, в действительном формулировании конституционных поправок, которые институционализируют обещанное разделение властей и тем самым обеспечат элитам большую безопасность в оппозиции и большие политические карьерные возможности, независимые от президента, успехи пока не слишком велики. Кроме того, хотя Бакиев отрицает, что он собирается изменить своему слову, его заявления конца 2005 — начала 2006 года свидетельствуют о намерении гарантировать сохранение в Кыргызстане президентской формы правления с сильным президентом (Kabar, 2006, Feb. 9, 19: 17). Согласно одному из сообщений (Притчин, 2006), его администрация готовит новый проект конституции, который гарантировал бы это. К началу 2006 года Бакиев приступил к осуществлению плана о проведении референдума по поводу конституционного будущего Кыргызстана, предоставив избирателям выбор между президентской, парламентской или смешанной системой (RFE/RL Newslines, 2006, Jan. 6). Кулов, со своей стороны, предупреждал, что референдум может осложнить политическую ситуацию и высказывал беспокойство относительно того, какими будут конкретные формулировки (Kabar, 2006, Feb. 7, 16: 53).

Так, хотя политическая арена Кыргызстана теперь несколько более конкурентна, чем при Акаеве, эта конкуренция, по-видимому, носит более незаконный и скрытый характер с многочисленными убийствами политиков и бизнесменов и постоянными взаимными обвинениями среди высокопоставленных чиновников в заговорах и коррупции. И хотя заинтересованные группы (не только Севера и Юга) сознают наличие по крайней мере одного патрона во власти (Кулова или Бакиева), они также опасаются долгосрочных последствий прямого выступления против «тандема» Бакиева-Кулова. Так, партии, играющие важную роль в этом тандеме, оказываются вынужденными привлекать доноров или патронов из числа элиты, как показала победа Бакиева с 89% голосов на послереволюционных выборах президента. Таким образом, Кыргызстан выглядит куда более похожим на «нестабильную Грузию», чем на Украину, которая переживает новую фазу консолидации элиты с соответствующим сокращением демократического пространства. Но если Бакиев действительно проведет конституционные реформы, которые институционализируют сбалансированное разделение властей, долгосрочные демократические перспективы Кыргызстана смогут стать более отчетливыми.

Непрямое воздействие: активизация демократов и автократов

Наблюдатели обычно отмечают два совершенно различных следствия «цветных революций» в странах, которые сами не переживали таких революций. Первое привлекло наибольшее внимание и может быть названо точкой зре-

ния «демократии на марше». Политики, журналисты и ученые наблюдали определенное «заражение» в странах посткоммунистического мира (Банс, 2006; Beissinger, in press; Karatnycky, 2005; Weir, 2005; Wilson, 2005a; Kuzio, unpublished). Каратницкий (Karatnycky, 2005) и Кузио (Kuzio, unpublished) подробно описывают, как группы молодежи и другие гражданские активисты в Грузии извлекли уроки из свержения Слободана Милошевича в Сербии в 2000 году, а молодежь на Украине взаимодействовала с теми и другими и заимствовала у них стратегию. Кыргызстан, в свою очередь, также заимствовал эти приемы вплоть до организации групп молодежи с громкими мобилизующими названиями (*Кель-кель!* – «Давай! Давай!», напоминавшая грузинскую «Кмара!» [«Довольно!»] и украинскую «Пора!»), символического цвета (желтый, напоминавший украинский оранжевый) и методов мониторинга на выборах (TOL, 2005). Группы также использовали схожие стратегии при мобилизации вокруг выборов, которые, как утверждает Такер (Tucker, 2005), служат прекрасной основой для мобилизации народного недовольства коррупцией.

Каратницкий (Karatnycky, 2005) замечает, что гражданские активисты из других постсоветских стран также извлекли уроки из этих успешных революций. Например, потенциальные революционеры из России, Казахстана и Белоруссии побывали на Украине во время «оранжевой революции» отчасти для того, чтобы извлечь уроки для собственных стран. Белорусы договорились о «джинсовом» цвете (Wallander, 2006). Российские продемократически настроенные группы молодежи с лаконичными названиями «Оборона», «Мы» и «Голос» были тесно связаны с революционными украинскими и грузинскими группами (RFE/RL Newsline, 2005, Apr. 4; 2005, Sep. 12). Среди казахов по крайней мере одна из групп молодежи, как сообщалось, базировалась в Кыргызстане, считавшемся безопасным пристанищем для подготовки демократических действий в случае, если намеченные на декабрь 2005 года выборы президента Казахстана окажутся несправедливыми и несвободными (RFE/RL Newsline, 2005, Dec. 14). Оппозиционные азербайджанские партии попытались объединить силы для парламентских выборов в ноябре 2005 года и заявить о готовности перейти к революции в случае фальсификаций на выборах (Kerimov, 2005), также избрав для себя оранжевый цвет (RFE/RL Newsline, 2005, Jun. 17); кроме того, появились молодежные группы со звучными названиями «Нет!» и «Время пришло!» (RFE/RL Newsline, 2005, May 11, May 20). Оппозиционные армянские группы, в свою очередь, угрожали массовыми волнениями в случае подтасовок, ожидавшихся при проведении в конце 2005 года референдума по конституционной реформе, в надежде провести собственную «цветную революцию». Глядя на Кыргызстан, они также рассчитывали на успех: один армянский партийный лидер заявил, что для того, чтобы свалить Акаева, потребовалось примерно 3000 человек (RFE/RL Newsline, 2005, Dec. 20). Конечно, не случайно, что бунт против властей Узбекистана в Андижане произошел в мае 2005 года, вскоре после того, как Кыргызстан дал пример успешной революции, начавшейся на периферии центрально-азиатского государства. Незадолго до этого

в Ташкенте демонстранты прошли по улицам города с оранжевыми транспарантами (Weir, 2005).

В Таджикистане и крайне репрессивной Туркмении явно «революционная» деятельность была менее заметна, но тот факт, что она была настолько распространена в других местах, конечно, свидетельствует о значительном демонстрационном эффекте среди гражданских активистов и лидеров оппозиционных партий. Каратницкий (Karatnysky, 2005), со своей стороны, прогнозирует, что некоторые из этих активистов со временем благодаря этому процессу усвоения уроков и вдохновению добьются успеха. Банс (Банс, 2006) высказывает схожие ожидания. Бейсингер (Beissinger, in press) даже заметил, что «цветные революции» приобрели «модульный» характер, что сила примера стала настолько значительной, что революции начали происходить даже в тех странах, где местные условия в целом не способствуют им, как в Кыргызстане. С этой точки зрения, цветные революции оказали исключительно положительное влияние на евразийскую демократию.

Многие аналитики также ссылались на западную поддержку как на ключевой фактор, способствовавший этому эффекту «заражения». Несмотря на горячие споры о том, насколько западные (особенно американские) правительственные органы и неправительственные организации поддерживали революционных активистов (Cogwin, 2005b; Кара-Мурза, 2005; Traunor, 2004; Wilson, 2005a), их косвенная и моральная поддержка кажется очевидной. Западные правительства, западные неправительственные организации и местные защитники демократии одинаково считали такую поддержку полезной в деле продвижения демократии. Некоторые азербайджанские активисты после парламентских выборов ноября 2005 года, когда их революционные усилия потерпели провал, даже возлагали ответственность за это на слабую поддержку со стороны Запада (RFE/RL Newline, 2005, Dec. 6). Таким образом, имеются веские основания утверждать, что мы наблюдаем демократию на марше.

Но другие исследователи (Silitski, 2005b; Herde, 2005; Carothers, 2006) указывали на противоположные уроки, которые были извлечены из «заражения» Евразии. Не только гражданские активисты учатся побеждать авторитарные правительства, но и авторитарные правительства учатся побеждать гражданских активистов. Почти все авторитарные режимы в регионе сделали фактически те же выводы, что и большинство гражданских активистов и их западных сторонников. Так, факторами, ответственными за «цветные революции», были, прежде всего, гражданские активисты, обычно обучаемые или поддерживаемые успешными революционерами из Грузии, Украины и, возможно, Сербии; западная поддержка этих активистов и оппозиционных партий; пространство для мобилизации, открываемое для оппозиционных партий и кандидатов на конкурентных выборах.⁹

9. Примеры публичных заявлений руководства различных неревolutionных стран см.: Polit. Ru, 2005, May 12, 18: 19; RFE/RL Newline, 2005, Aug. 26, Jun. 21; 2006, Jan. 30, 2006.

Соответственно, эти авторитарные режимы сосредоточили большинство своих усилий на том, чтобы лишить внутренние неправительственные организации и политические партии возможности влиять на политический процесс, а также прекратить поддержку этих групп со стороны Запада. Перед президентскими выборами 19 марта 2006 года белорусское правительство ввело новые жесткие правила политической деятельности, еще больше ограничив независимые СМИ, разогнав несанкционированные собрания, введя жесткие правовые ограничения на деятельность революционеров после выборов и ограничив возможности для взаимодействия и оказания даже технической помощи организациям, подозреваемым в нелояльности к Лукашенко, со стороны иностранных организаций.¹⁰ Точно так же в Узбекистане Каримов систематически преследовал, подавлял или изгонял западные СМИ и международные организации, выступавшие в поддержку демократии, от Сороса до фонда «Евразия» и ВВС (Alibekov, 2005; RFE/RL Newsline, 2005, Mar. 21, May 31, Oct. 27). Правительство Казахстана еще до начала предвыборной борьбы за пост президента в 2005 году потребовала выдачи группы молодых казахских активистов, базировавшихся в Кыргызстане и запретило ведущую политическую партию, направившую делегатов на Украину для освоения опыта «оранжевой революции» (RFE/RL Newsline, 2005, Dec. 14; Weir, 2005). Руководство Азербайджана также проводило жесткий курс в отношении гражданских групп, нередко используя насилие во время собраний сторонников демократии и преследуя оппозиционных (особенно молодежных) лидеров перед выборами в парламент в ноябре 2005 года (RFE/RL Newsline, 2005, May 23, May 20, Aug. 8, Sep. 26, Oct. 11, Nov. 29). Подобные ограничения в пространстве, открытом для подлинно политического соперничества, можно наблюдать и в Таджикистане (где СМИ испытывали на себе все большее давление и где лидер одной видной оппозиционной партии был помещен в тюрьму после его похищения из Москвы) и Армении (где были ограничены гражданские права, а оппозиционные активисты подвергались преследованиям).¹¹ И, конечно, ни о каких возможностях для деятельности оппозиционных активистов в Туркменистане не могло быть и речи.

Но страной, которая удостоилась наибольшего внимания за недостаточность демократии у себя в последние несколько лет, была Россия. Хотя отход Владимира Путина от демократических идеалов начался еще до волны «цветных революций» (Fish, 2005; Hale, 2006; Wilson, 2005b), очевидно, что свержения этих автократов побудили его сторонников принять множество различных мер для того, чтобы исключить возможность совершения подобных вещей в Москве, тем самым способствуя «отходу» России от демократии. Одним из важных шагов было преследование или подавление неправительственных организаций, которые не стояли прямо на стороне государства, тенденция, которая ускорилась с началом «цветных революций».

10. О последнем см.: RFE/RL Newsline, Aug. 18, 2005. Прекрасный анализ наступления Лукашенко на демократию см.: Silitski (2005b).

11. О Таджикистане см.: RFE/RL Newsline, 2005, Apr. 20, May 2, May 19. Об Армении см.: RFE/RL Newsline, 2006, Jan. 20.

Кроме того, команда Путина высказывала особое беспокойство насчет иностранного финансирования таких неправительственных организаций, а сам российский президент заметил, что «кто платит, тот и музыку заказывает» (RFE/RL Newsline, 2005, Jul. 21).¹² В результате, в 2006 году Путин ввел новые жесткие меры, облегчающие надзор государства над группами активистов, особенно из числа тех, что получали финансирование из-за рубежа (RFE/RL Newsline, Dec. 22, 2005). Одним из особенно любопытных результатов в России стало появление «антиреволюционных» молодежных групп с громкими названиями, выступавших не против Путина, а против «подрывных», «оранжевых» элементов. К ним относится, прежде всего, движение «Наши», спонсировавшееся Кремлем или силами, с ним связанными (RFE/RL Newsline, 2005, Feb. 25, Apr. 20, Aug. 3; Polit. Ru, 2005, Aug. 2, 15: 13). Имеются также свидетельства того, что для борьбы с молодежной оппозицией Кремлю тайно использовались футбольные хулиганы (Corwin, 2005a). Возможно, наиболее часто приводимым свидетельством российского отхода от демократии служат изменения, внесенные Путиным в политическую систему России, особенно упразднение прямых выборов региональных губернаторов и отмена выборов в Думу по одномандатным округам (замена смешанной системы системой полностью пропорционального представительства) (Fish, 2005).

Один из наиболее важных выводов, извлеченных этими патронажными президентами и их советниками, по-видимому, заключается в том, что революции можно предотвратить только решительными действиями президентов с использованием силы для пресечения общественного протеста. Со своей стороны, Путин в своем выступлении после «тюльпановой революции» назвал «цветные революции» «следствием слабости предыдущего правительства и накопления социально-экономических проблем» (RFE/RL Newsline, 2005, Mar. 25). Глеб Павловский, кремлевский стратег, известный также своим консультированием лидеров стран СНГ в интересах Кремля, прямо заявил: «Если кто-то бросит вызов выборам, как это случилось в других постсоветских государствах, то против них будет использована сила, потому что неиспользование силы против преступных элементов означает невыполнение правительством своих обязанностей» (RFE/RL Newsline, 2005, Mar. 29).

Некоторые другие антиреволюционные лидеры в СНГ высказывали схожие взгляды, предупреждая своих активистов, чтобы они не пытались совершить революцию в своих странах. Руководство Армении избежало открытых угроз насилия, но ее министр обороны, по-видимому, выступил с предупреждением к молодым потенциальным революционерам, назвав «цветные революции» и государственными переворотами и заявив, что «участник переворота — это государственный преступник» (RFE/RL Newsline, 2005, Jul. 26). Казахский Назарбаев был менее мягок, указав вслед за Путиным не только на социально-экономические проблемы как

12. См. также заявление одного из главных советников Путина по вопросам политической стратегии Владислава Суркова: RFE/RL Newsline, 2005, Jun. 21.

причины революции в Кыргызстане, но и на общую «слабость, позволившую мятежникам и головорезам действовать так, как им заблагорассудится» (RFE/RL Newline, 2005, Mar. 25). Другие лидеры угрожали насилием, предупреждая, что попытка революции приведет к гражданской войне. Так, президент Таджикистана Имомали Рахмонов заявил, что революция в Таджикистане невозможна, потому что «народу Таджикистана уже известно, что означают гражданская война и нестабильность» (Polit. Ru, 2005, Jun. 4, 12: 49). Белорусский президент Лукашенко предупредил, что в случае необходимости волнения после президентских выборов марта 2006 года будут подавлены силой (The Washington Post, 2006, Mar. 20, p. A8).

И такие предупреждения вовсе не были голословными, как показали трагические события в Узбекистане в 2005 году. Наблюдая нестабильность в соседнем Кыргызстане на протяжении всей революции, президент Узбеки-

стана Ислам Каримов постарался дать понять потенциальным революционерам у себя в стране, что им не удастся добиться успеха: «У нас есть необходимые силы для этого», — сказал он (Weig, 2005). Потом его органы безопасности расстреляли сотни людей в Андижане во время бунта против действующей власти, причем всю ответственность Каримов возложил на мусульманских радикалов, получивших поддержку со стороны

АВТОРИТАРНЫЕ РЕЖИМЫ НЕ ТОЛЬКО УЧАТСЯ, НАБЛЮДАЯ ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫМИ СТРАНА- МИ, НО И ПЕРЕНИМАЮТ АВТОРИ- ТАРНЫЕ МЕТОДЫ ДРУГ У ДРУГА

Запада, который намеревался сменить режим. Некоторые действующие президенты, по-видимому, считают стратегию Каримова успехом, в отличие от «провала» в Кыргызстане. Так, руководство Азербайджана, опираясь на опыт Каримова, демонстративно (хотя и более взвешенно) использовало насилие при подготовке к парламентским выборам в ноябре 2005 года. Это означает, что авторитарные режимы не только учатся, наблюдая за революционными странами, но и перенимают авторитарные методы друг у друга.

В таком случае, в целом эффект «заражения» оказывается палкой о двух концах. Успешные «цветные революции», конечно, вызвали воодушевление и позволили набраться опыта противникам существующей власти. Но в то же время они вселили страх в сердца более авторитарных лидеров. Авторитарные режимы, опираясь на те же представления о причинах революции, что и революционеры, пришли к выводу, что единственным способом предотвращения таких революций является подавление свобод, ранее существовавших в этих странах, и демонстрация определенной жесткости при подавлении антирежимных сил.

Но можно ли назвать такие уроки верными? И каковы последствия этого для смены режимов в регионе? Эти важные вопросы будут рассмотрены нами в следующем разделе.

УЧИТЬСЯ ЧЕМУ?**ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗВЛЕЧЕНИЯ НЕВЕРНЫХ УРОКОВ**

Рассматривая вместе выводы из двух предыдущих разделов этой статьи, можно сделать интересное наблюдение: революции на самом деле вызывались расколами в элите, обусловленными синдромом «подбитой утки» и непопулярным руководством при институтах патронажного президентского правления. Сторонники и противники новых революций реагировали так, словно революции были вызваны чем-то другим: гражданскими активистами, поддержкой этих активистов со стороны Запада и мягкостью режима по отношению к оппозиции. Это значит — нельзя рассчитывать на то, что «усвоение уроков» будет иметь последствия, предусмотренные учениками, так как в этом процессе главные действующие силы остались незамеченными. Последствия этого неверного усвоения уроков следует анализировать, но не принимать, а процесс «заражения» может оказаться более сложным, чем принято считать в объяснениях, которые подчеркивают его важность.

Последствия уроков, извлеченных сторонниками демократии

Если сначала обратиться к тому, какие уроки извлекают сторонники демократии, то может сложиться впечатление, что их действия все еще развиваются в намеченном направлении: поддержка и активизация гражданских групп вряд ли повредит перспективам демократии и может ускорить ее развитие. Но мы должны помнить, что гражданские группы начали играть важную роль только тогда, когда пространство для этого было создано расколом среди влиятельных элит внутри страны. И если предшествующая сила «гражданского общества» была основной детерминантой революции, то, согласно оценкам *Freedom House*, Армения должна была быть главной революционной страной на протяжении всего периода «цветных революций» (*Freedom House*, 2005). Тем не менее оппозиция в Армении не смогла свергнуть президента Кочаряна, несмотря на мобилизацию против нечестных выборов и референдума (Welt, 2004). Таким образом, несмотря на важность «заражение» среди гражданских активистов, его последствия, по-видимому, зависят от того, насколько на возникновение синдрома «подбитой утки» в данной стране влияют иные факторы, вроде ограничений срока пребывания у власти, болезни президента, крупных скандалов, которые снижают общественную поддержку лидера, или, возможно, наиболее интенсивного и целенаправленного международного давления. Так, хотя приведенные ранее свидетельства явно указывают на то, что активисты во всех постсоветских странах получали поддержку и учились у предшествующих «цветных революций», они также показывают, что успеха удалось добиться только там, где лидеры уже стали «подбитыми утками» по другим причинам.

Важная роль, которую, по всей видимости, действительно играют гражданские активисты, состоит в том, что они помогают произвести передачу власти мирным путем, избежав погружения в хаос и насилие. В то же время,

хотя нет никакой четкой корреляции между революцией и рейтингами гражданского общества у *Freedom House* до революции, только Кыргызстан пережил революцию, сопряженную с серьезным насилием, а рейтинг его гражданского общества был намного ниже, чем у Украины и Грузии. Кроме того, лидеры гражданских групп, которые возглавляли грузинское и украинское движения протеста, обучались ненасильственным методам борьбы и могли внушить протестующим важность сохранения порядка, пока режим не напал первым (Chabalowski, 2005). Напротив, люди, которые выходили на улицу во время революции в Кыргызстане, мобилизовывались региональными и клановыми элитами, состоявшими, прежде всего, из выходцев из южных областей, которые, конечно, не были знакомы с методами и идеями ненасильственного протеста (Cornell and Swanstrom, 2005). Хотя определенные силы элиты, не связанные с неправительственными организациями, также помогали обеспечить ненасильственные результаты в странах, вроде Украины и Грузии (Chabalowski, 2005; Hale, 2005), сильные, ориентированные на мир организации гражданского общества могли сыграть важную роль в поддержании порядка и дисциплины в рядах участников массовых выступлений протеста. По крайней мере, такую возможность нужно учитывать.

Последствия «уроков», извлеченных противниками революции

В свете сказанного ранее становится очевидно, что выводы, сделанные наиболее видными антиреволюционными лидерами, могут содержать серьезные изъяны, которые видны почти всем, включая их самих. Если революции возникали, прежде всего, вследствие предательства элит, вызванного синдромом «подбитой утки» в сочетании с непопулярностью лидера, то подавление демократии, скорее всего, будет не только неэффективным, но и сможет повредить популярности этих патронажных президентов, *повышая вероятность* революции всякий раз с наступлением периода «подбитой утки». И поскольку сила гражданских групп действительно имеет значение, независимо от того, сопряжена революция с насилием или нет, попытки диктаторов разбить гражданские группы могут не только сорвать революцию, но и повысить вероятность того, что следующая революция будет сопряжена с насилием. Чтобы показать обоснованность этих утверждений, необходимо вернуться к нашему анализу того, как происходит падение влияния, рассеяв два мифа, которые, по-видимому, сложились в головах авторитарных лидеров после «цветных революций».

Первый из этих мифов состоит в том, что ограничение демократии и пресечение поддержки демократических институтов со стороны Запада сокращает вероятность революции в этой стране, миф, в который, как было показано ранее, многие верят. Если рассматривать «цветные революции» в свете логики патронажного президентства, то можно увидеть, что рано или поздно происходит обратное. Так, можно вернуться к вышеупомянутому открытию, что значительная «сила гражданского общества» не обязательно приводит к революции перед лицом нечестных выборов; Армения действительно

имела самое сильное гражданское общество среди патронажных президентских стран в Евразии в рейтинге *Freedom House*, но все же оставалась революционной страной в 2003–2005 годах (*Freedom House*, 2005). Если именно расколы среди элиты служат источником политического соперничества, которое вызывает смену руководства, то нет веских оснований полагать, что подавление гражданского общества сделает элиты менее способными или готовыми к соперничеству, когда их патроны становятся «подбитыми утками». Во всяком случае, это означает, что элиты будут в большей степени опираться на собственные структуры (деловые организации, административные иерархии, кланы, региональные политические машины) для мобилизации населения. Поскольку они, скорее всего, будут менее подготовлены и мотивированы для проведения ненасильственных стратегий, ослабление неправительственных организаций увеличит вероятность того, что всякая политическая борьба, выходящая за рамки избирательной структуры, будет хаотической и сопряженной с кровопролитием. Кроме того, поскольку люди ценят свободу самовыражения в обществе, решительное подавление такой свободы, скорее всего, ослабит поддержку режима и увеличит вероятность поддержки смены режима со стороны простых людей.

Также заметим, что, хотя Россия пришла к отмене губернаторских выборов, во всех революционных странах — Грузии, Кыргызстане и Украине — провинциальные губернаторы не избирались свободно, а напрямую назначались президентом. На деле некоторые из этих назначенных президентом губернаторов (особенно в Западной Украине) фактически перешли на сторону революции во время революционного процесса. Это подтверждает важную мысль, высказанную мною ранее (Hale, 2005). Стимулы для предательства элитами непопулярного президента-«подбитой утки» сильны в критические моменты, независимо от того, зависит формально или нет благосостояние этих элит от президента. Как только политическое будущее президента начинает казаться неопределенным, даже назначенные президентом чиновники в режиме могут предать своего патрона в надежде на спасение политической карьеры или, по крайней мере, избежание преследований при следующем лидере (Олсон, 1992). Так, несмотря на контроль Кучмы над назначенными губернаторами, уже в первом туре президентских выборов 2004 года в некоторых украинских областях Ющенко удалось получить почти 90% голосов. Можно даже утверждать, что конкурентные губернаторские выборы способны укрепить народную поддержку политической системы в целом, предоставив народу местную фигуру, которая способна представлять его интересы и тем самым снизить вероятность распространения мнения о необходимости революционных перемен. На самом деле, российские опросы общественного мнения показывают, что, несмотря на использование административного ресурса и грязные кампании, которыми сопровождалась старые губернаторские выборы, люди были склонны поддерживать губернаторов, приходивших к власти в результате этих выборов. Так, по данным ВЦИОМ на 2002 год, половина всех российских граждан доверяла своим губернаторам; то есть доверявших было больше, чем тех, кто отно-

сился к ним с подозрением. Этот показатель особенно поразителен, если принять во внимание цинизм, распространенный в России по отношению к политикам (RFE/RL Newslines, 2002, Aug. 7).

Другая российская стратегия предотвращения революционной деятельности, по-видимому, состоит в привлечении крупного капитала (олигархов) на сторону государства путем оказания на них давления и укрепления связей с центральной властью, чтобы исключить поддержку оппозиционных сил и революционеров. Но здесь мы также видим, что украинские олигархи были связаны с государством сильнее, чем российские до ареста амбициозного владельца «Юкоса» Михаила Ходорковского. Тем не менее некоторые из них нашли способы оказания поддержки кандидату от оппозиции. Хотя лишь немногие открыто встали на сторону Ющенко, большинство поставило на обе стороны, чтобы в любом случае не проиграть. Возможно, наиболее явным свидетельством того, что связи со старой командой не может устранить стимулы для измены, служит то, что среди олигархов, пытавшихся оградить себя от рисков таким образом, был не кто иной, как зять самого Кучмы, Виктор Пинчук (Погребинский, 2005). И, конечно, элиту крупного бизнеса в Кыргызстане вряд ли можно обвинить в большой автономии от государства Акаева. В целом, как только патронажный президент становится «подбитой уткой» агрессивные, состоятельные и политически проницательные бизнесмены (в большинстве своем достигшие «потолка» в этой системе) найдут способы сделать то, что они считают наиболее целесообразным для своего благосостояния, независимо от того, какие указания дает им уходящий патрон и какие публичные заявления они делают.

Короче говоря, мы полагаем, что антиреволюционная воля автократизации, наблюдаемая во многих евразийских странах, скорее всего, не только не сможет предотвратить возрождение политической конкуренции в них, но даже увеличит вероятность того, что оно приведет к отстранению действующих команд, ослабив их народную поддержку. И, как убедительно показал Такер (Tucker, 2005), основным лозунгом недовольных масс во всех «цветных революциях» было широкое неприятие коррупции и подтасовок, то есть отсутствие подлинной демократии и пренебрежение волей народа, которое проявлялось в фальсификациях или манипуляциях на выборах. На самом деле и Акаев, и Кучма, и Шеварднадзе поначалу были весьма популярными лидерами, но каждый из них пережил резкое падение популярности по крайней мере отчасти вследствие автократического и коррумпированного образа правления. Падение популярности Кучмы в год, когда произошла революция на Украине, особенно поразительна, так как именно при нем Украина пережила необычайно здоровый и долгожданный период экономического роста, факт, почти полностью забытый вследствие широкого неприятия его недемократических методов правления.

Второй миф связан с тем, что Акаев, Кучма и Шеварднадзе смогли бы сохранить власть, если бы они применили силу более решительно, как намекают или говорят прямо Каримов, Назарбаев, Путин и многие аналитики. И действительно имеются свидетельства, что Акаев, Кучма и Шеварднадзе соби-

рались использовать насилие для того, чтобы остаться у власти. На Украине Кучма приказал направить десять тысяч солдат внутренних войск в Киев, решив сохранить власть для своей команды путем насилия (Bosacki and Wojciechowski, 2005). Акаев, со своей стороны, выступил с несколькими противоречивыми посланиями, публично призвав к миру при назначении министра обороны, который говорил тогда о необходимости использования «специальных средств и огнестрельного оружия» для восстановления порядка; при этом все его сторонники публично призывали Акаева ввести чрезвычайное положение (Toursunof, 2005). Акаев лично выступил на телевидении со следующим предупреждением: «мы слышим подстрекательские призывы, призванные погрузить нас в беззаконие и пучину гражданской войны и этнической конфронтации» (RFE/RL Newline, 2005, Mar. 16; Weir, 2005). И нет оснований полагать, что это были пустые угрозы: и Кучма, и Акаев использовали насилие против протестующих раньше — последний в районе Акси в 2002 году, а первый в 2001 году против митингов «Украина без Кучмы», которые прошли после того, как были обнародованы аудиозаписи, разоблачавшие связь Кучмы с убийством журналиста. Даже Шеварднадзе, долгое время считавшийся политическим «голубем» за свою роль в окончании холодной войны, также, как сообщалось, стремился к военному подавлению сопротивления, дабы спасти свой режим во время «революции роз» (Fairbanks, 2004).

Почему же в этих странах не было принято жестких мер? Ответ возвращает нас к логике расколов среди элиты, рассмотренной выше: ключевые части «силовых структур» в каждом случае перешли на сторону оппозиции, отказавшись применять силу для поддержки режима. На Украине главным изменником оказалась служба безопасности (СБУ), хотя в критический момент часть милиции и армии также выступила в поддержку Ющенко (Bosacki and Wojciechowski, 2005; Kuzio, 2005c). В Кыргызстане Акаев, по-видимому, не без оснований возлагал вину за свое изгнание на «сговор» между силами безопасности и оппозицией (RFE/RL Newline, 2005, Jul. 12). В Грузии вооруженные силы также отказались выполнять требование подавить революционеров (Fairbanks, 2004). Таким образом, Акаев, Кучма и Шеварднадзе не смогли применить силу не потому, что они были «мягкими» лидерами, а потому, что у них не было такой возможности. И эти режимы не были «мягче» других, поскольку Кучма и Акаев раньше использовали насилие против оппозиционных сил. Проблема состояла в том, что вооруженные силы и полиция были расколоты по законам патронажного президентского правления с лидерами-«подбитыми утками», законам, которые могут повториться почти во всех режимах, до сих пор остававшихся неревOLUTIONными.

На самом деле имеются свидетельства того, что использование силы для сохранения власти может иметь негативные последствия всякий раз, когда оно позволяет действующему президенту остаться у власти. Применение Акаевым насилия против протестовавших в Акси в 2002 году, конечно, во многом способствовало падению его популярности и в конечном итоге приве-

ло к краху его режима. Не случайно, что человеком, пришедшим к власти после поражения Акаева, был его бывший премьер-министр Курманбек Бакиев, «бывший», потому что он подал в отставку в 2002 году в знак протеста против кровопролития в Акси. И Бакиев завоевал популярность именно благодаря своему публичному выступлению против государственного принуждения. Более того, дочь Акаева заявила о том, что насилие в Акси «демократизовало» правоохранительные органы Кыргызстана (Акаева, 2006, 14). Это распространенное явление: к примеру, убийства участников выступлений протеста, которые СССР совершал в Грузии в 1989 году, в Азербайджане в 1990 году и Латвии и Литве в начале 1991 года, призваны были подавить антисоветские настроения в этих странах, но они открыли путь к их окончательному отделению.

Конечно, население иногда может признавать легитимным государственное насилие. Так обстояло дело с российским насилием в Чечне, которое многие русские считали необходимой (или, по крайней мере, полезной) антитеррористической операцией (Gerber and Mendelson, 2002). И руководство Узбекистана, пользуясь своим почти полным контролем над местными средствами массовой информации, объявило участников выступлений протеста в Андижане угрозой Узбекистану, сочетавшей воинственный ислам с подрывной деятельностью Запада. Хотя подобные стратегии «описания» подавления могут побудить людей считать данное проявление репрессий со стороны государства оправданным, все же возникает некий парадокс. Если люди действительно верят официальным оправданиям, возможно, они не станут мешать защитникам демократии: с защитниками демократии, которые не имеют никаких связей или не испытывают никаких симпатий к исламским боевикам, нельзя обращаться как с исламскими боевиками, если они присоединятся к продемократическому уличному протесту, так что в этом случае сдерживание не сработает. Но если люди действительно понимают реальные мотивы властей, сознавая, что защитников демократии представляют такими только для того, чтобы растоптать их, то сдерживание, скорее всего, окажется успешным, но вера населения будет утрачена, а действующая власть станет особенно уязвимой при возникновении синдрома «подбитой утки». Кроме того, если государственные репрессии по мнимым предлогам получают широкое распространение, то фальшь этих предлогов станет известна, поскольку родственники и друзья жертв будут передавать правду из уст в уста или по другим каналам, которые с большим трудом поддаются контролю со стороны государства. И чем более серьезной будет угроза существующей популярности, тем более вымученными будут оправдания, призванные легитимировать насилие. По всем этим причинам насильственные действия, совершенные лидерами, которые не являются «подбитыми утками», на самом деле могут посеять семена их краха при появлении синдрома «подбитой утки», как происходит во всех патронажных президентских режимах, когда лидер умирает или заболевает, хотя, возможно, и раньше. И если лидер заходит слишком далеко в кровопролитии, такие

действия могут подорвать его легитимность, создав среди элит ощущение того, что лидер больше не в состоянии править.

ВЫВОДЫ

Итак, мы приходим к выводу, что «цветные революции» привели к множеству сложных последствий в постсоветской Евразии. В революционных странах исход революции (подлинно демократический прорыв или непрекращающиеся колебания между автократией и демократией) зависит от того, какое влияние она оказала на патронажную президентскую власть. Среди революционных стран только Украине, по-видимому, удалось избежать циклической динамики благодаря передаче значительных президентских полномочий парламенту после выхода из тупика «оранжевой революции». И ее парламентские выборы 2006 года действительно были очень яркими и конкурентными. С другой стороны, в Грузии и Кыргызстане институты патронажного президентского правления остались неизменными и произошло повторное «окукливание» режима, хотя Кыргызстан еще может провести конституционную реформу, которая поставит его на путь Украины. Конечно, пока неясно, насколько функционален новый баланс сил на Украине, так как реформа еще не завершена. Если он окажется дисфункциональным, то хаос может в конечном итоге привести к новой реформе и повторной концентрации власти в руках патронажного президента, вернув страну к циклическому движению от демократии к автократии.

В неревolutionных странах мы наблюдаем процесс извлечения уроков гражданскими активистами, который побуждает этих активистов заниматься революционной деятельностью. Но более серьезные последствия связаны с репрессивной реакцией большинства неревolutionных стран. Поскольку они посчитали революции в основном следствием влияния гражданских активистов, западной поддержки и мягкости режима, они приступили к последовательной борьбе с каждым из этих элементов. Но, по иронии судьбы, такие действия могут сделать революцию более вероятной и породить еще большее народное недовольство существующей властью, которое может сделать страну более уязвимой для революции при возникновении вопроса о преемнике президента. Хотя это плохая новость для сторонников демократии, все же есть основания полагать, что, подавляя стремящиеся к миру продемократические неправительственные органи-

В НЕРЕВОЛЮЦИОННЫХ СТРАНАХ МЫ НАБЛЮДАЕМ ПРОЦЕСС ИЗВЛЕЧЕНИЯ УРОКОВ ГРАЖДАНСКИМИ АКТИВИСТАМИ, КОТОРЫЙ ПОБУЖДАЕТ ЭТИХ АКТИВИСТОВ ЗАНИМАТЬСЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

зации, более авторитарные режимы Евразии могут заложить основу для насильственных революций, так как массовые мобилизации будут производиться по другим, менее мирным каналам. И если эти революции вслед за Украиной не положат конец патронажному президентскому правлению, им вряд ли удастся совершить серьезный демократический прорыв, а не ограничиться простой сменой патронов.

ЛИТЕРАТУРА

- Акаева, Б., 2006. Цветы зла: О так называемой «тюльпановой революции» в Кыргызстане. М.: Международные отношения.
- Арель, Д., 2005. Украина выбирает Запад, но без Востока // Pro et Contra. Июль—Август.
- Банс В. Цветные «революции через выборы»: Почему они произошли и кто следующий? // Лекция, прочитанная в Институте общественного проектирования. М., 26 февраля 2006. <http://www.inop.ru/reading/Bunce/>
- Вудрин, Д., Рожкова, И., 2005. В ожидании героя: еженедельник года перемен. Харьков: Канком. Известия. 2005, 23 сентября.
- Кара-Мурза, С., 2005. Экспорт революции: Ющенко. Саакашвили... М.: Алгоритм.
- Олсон, М., 1992. Логика коллективных действий в обществах советского типа. Экономика и организация промышленного производства. № 6.
- Погребинский, М., 2005. Как Украина шла к «оранжевой» революции // «Оранжевая» революция: Версии, хроника, документы. Киев: Оптима.
- Притчин, С., 2006. Второй Акаев? Оазис. 23 (февр.). <http://www.ca-oasis.info/oasis/?jrn=24&id=171>.
- Alibekov, I., 2005. The Kyrgyz Contagion. Transitions Online (Mar. 23).
- Beissinger, M.R. Structure and example in modular political phenomena: the diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip revolutions. Perspectives on Politics. Draft available at <http://www.polisci.wisc.edu/~beissinger/beissinger.modrev.article.pdf>, in press.
- Bosacki, M., Wojciechowski, M., 2005. Behind the Scenes of the Ukrainian Revolution, Gazeta Wyborcza, Warsaw. Translated by Maciej Mark Karpinski for UKL354 (Apr. 3).
- Carothers, T., 2006. The backlash against democracy promotion. Foreign Affairs (Mar./Apr.).
- Chabalowski, M., 2005. Lessons for the Future of Civic Resistance: Georgia and Ukraine. USIPeace Briefing (Nov.). http://www.usip.org/newsmedia/releases/2005/1102_georgiaukraine.html.
- Christensen, R. K., Rakhimkulov, E. R., Wise, C. R., 2005. The Ukrainian Orange Revolution brought more than a new president: what kind of democracy will the institutional changes bring? Communist & Post-Communist Studies 38 (Jun.).
- Cornell, S., Swanstrom, N., 2005. Kyrgyzstan's «revolution»: poppies or tulips? Central Asia-Caucasus Analyst. http://www.cacianalyst.org/view_article.php?articleid=3323 (May 18).
- Corwin, J. A., 2005a. Are Soccer Hooligans Being Used By the Kremlin? End Note, RFE/RL Newsline (Sep. 20).
- Corwin, J. A., 2005b. Regime Change on the Cheap. End Note, RFE/RL Newsline (Apr. 19).
- D'Anieri, P., 2001. Democracy unfulfilled: the establishment of electoral authoritarianism in Ukraine. Journal of Ukrainian Studies 26 (1–2), 13–36.
- D'Anieri, P., 2005a. The last hurrah: the 2004 Ukrainian presidential elections and the limits of machine politics. Communist and Post-Communist Studies 38 (2), 231–249.
- D'Anieri, P., 2005b. What has changed in Ukrainian politics? Assessing the implications of the Orange Revolution. Problems of Post-Communism 52 (Sep./Oct.).
- Darden, K., 2001 Spring/Summer. Blackmail as a tool of state domination: Ukraine under Kuchma. East European Constitutional Review 10.
- Derlugian, G., 2005a. Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography. University of Chicago Press, Chicago.

- Derlugian, G., 2005b. The Coming Revolutions in the North Caucasus. Policy Memo no. 378. Program on New Approaches to Russian Security. **CSIS**, Washington, DC. http://www.csis.org/media/csis/pubs/pm_0378.pdf.
- Derlugian, G., 2004. Georgia's Return of the King. Working paper no. 22, Program on New Approaches to Russian Security. **CSIS**, Washington, DC. http://www.csis.org/media/csis/pubs/ruseur_wp_022.pdf.
- Fairbanks Jr., C. H., 2004. Georgia's Rose Revolution. *Journal of Democracy* 15 (Apr.).
- Fish, M. S., 2001. The dynamics of democratic erosion. In: Anderson Jr., R. D., Fish, M. S., Hanson, S. E., Roeder, P. G. (Eds.), *Postcommunism and the Theory of Democracy*. Princeton University Press, Princeton, NJ.
- Fish, M. S., 2005. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge University Press, New York. Freedom House, 2005. Nations in Transit 2005. Table «Civil Society: Ratings History By Region.» <http://www.freedomhouse.org/research/nattransit.htm> (accessed 30.11.05).
- Futey, B., 2005. Yurydychniy Visnyk. English version from Dominique Arel's Ukraine List 363 (Aug. 27).
- Gerber, T., Mendelson, S., 2002. How Russians Think About Chechnya. Policy Memo no. 243. Program on New Approaches to Russian Security. **CSIS**, Washington, DC. Available at <http://www.csis.org/ruseura/ponars/pm>.
- Giragosian, R., 2005. Has Azerbaijani Government Taken a Troubling Example from Andijon? End Note. **RFE/RL** Newsline (Sep. 26).
- Hale, H. E., 2003. Explaining machine politics in Russia's regions: economy, ethnicity, and legacy. *Post-Soviet Affairs* 19 (3).
- Hale, H. E., 2005. Regime cycles: democracy, autocracy, and revolution in post-Soviet Eurasia. *World Politics* 58 (1).
- Hale, H. E., 2006. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. Cambridge University Press, New York.
- Herde, O. P., 2005. Colorful revolutions and the **CIS**: «manufactured» versus «managed» democracy. *Problems of Post-Communism* 52 (2).
- Hough, J. F., 2001. The Logic of Economic Reform in Russia. Brookings, Washington, DC.
- Jones Luong, P., 2002. Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia. Cambridge University Press, New York.
- Kabar, 2006. <http://www.kabar.kg/rus>, 36: 53 (Feb. 7).
- Kabar, 2006. <http://www.kabar.kg/rus>, 19: 17 (Feb. 9).
- Karatnycky, A., 2005. Ukraine's Orange Revolution. *Foreign Affairs* (Mar./Apr.).
- Kerimov, A., 2005. Opposition scores two gains in Azerbaijan. *Jamestown Eurasia Daily Monitor* 2 (Mar. 29).
- Kitschett, H., Mansfeldova, Z., Markowski, R., Toka, G., 1999. *Post-Communist Party Systems*. Cambridge University Press, New York.
- Kuzio, T., 2005a. From Kuchma to Yushchenko: Ukraine's presidential elections and the orange revolution. *Problems of Post-Communism* 52 (2), 29–44.
- Kuzio, T., 2005b. Regime type and politics in Ukraine under Kuchma. *Communist and Post-Communist Studies* 38 (2), 167–190.
- Kuzio, T., 2005e. Did Ukraine's security service really prevent bloodshed during the orange revolution? *Jamestown Foundation Eurasian Daily Monitor* 2 (Jan. 24).
- Marat, E., 2005. Mass protests, little change after Kyrgyz parliamentary runoff. *Eurasia Daily Monitor* (Mar. 15).
- McFaul, M., 2002. The fourth wave of democracy and dictatorship: noncooperative transitions in the post-communist world. *World Politics* 54 (2).
- McFaul, M., 2005. Transitions from communism. *Journal of Democracy* 16 (Jul.).
- McGlinchey, E., 2005. Kyrgyz Democracy Gets Second Chance. End Note. **RFE/RL** Newsline (Apr. 8).
- OSCE**, 2004. Georgia: Extraordinary Presidential Election, 4 Jan. 2004: **OSCE/ODIHR** Election Observation Mission Report. **ODIHR**, Warsaw. http://www.osce.org/documents/html/pdftohtml/2183_en.pdf. html.
- OSCE**, 2006. Parliamentary Elections, Ukraine — Mar. 26, 2006: Preliminary Statement. **ODIHR**, Warsaw. http://www.osce.org/documents/html/pdftohtml/18_500_en.pdf.html.
- Rhodes, A., 2005. Akaev's Acrid Legacy. *Transitions Online* (Feb. 23), <http://www.tol.cz>.
- Schatz, E., 2004. Modern Clan Politics: The Power of «Blood» in Kazakhstan and Beyond. University of Wash-

- ington Press, Seattle.
- Silitski, V., 2005a. Beware the People. Transitions Online (Mar. 21).
- Silitski, V., 2005b. Preempting democracy: the case of Belarus. Journal of Democracy 16 (4), 83–97.
- TOL, 2005. A second round beckons. Transitions Online (Feb. 28).
- Toursunof, H., 2005. Tsunami in the Mountains. Transitions Online (Mar. 25).
- Traynor, I., 2004. US campaign behind the turmoil in Kiev. The Guardian (Nov. 26).
- Tucker, J., 2005. Enough! Electoral fraud, collective action problems, and the «2nd wave» of post-communist democratic revolutions. Paper presented at the First Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian Studies, Ottawa (Sep. 29–Oct. 1). Latest draft as of May 30, 2006, available at http://www.wws.princeton.edu/jtucker/Tucker_EFCA_2005.pdf.
- WaUander, C., 2006. Candles, Denim, and the 16th of February. Recent Commentary (Feb. 15). CSIS, Washington, <http://www.csis.org/ruseura/commentary>.
- Way, L. A., 2004. The sources and dynamics of competitive authoritarianism in Ukraine. Communist and Post-Communist Studies 20 (Mar.).
- Way, L. A., 2005a. Authoritarian state-building and the sources of regime competitiveness in the fourth wave: the cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine. World Politics 57 (2).
- Way, L. A., 2005b. Kuchma's failed authoritarianism. Journal of Democracy 16 (2).
- Weir, F., 2005. Democracy rising in ex-Soviet states: aftershocks of Ukraine and Georgia are stirring up rallies in Central Asia. Christian Science Monitor (Feb. 10). Circulated by Johnson's Russia List 9057.
- Welt, C., 2004. Armenia's Tragedy. Russia and Eurasia Report. Center for Strategic and International Studies, Washington, DC. <http://www.csis.org/media/csis/pubs/ci/armeniatragedy.04.05.pdf> (Mar./Apr.)
- Wilson, A., 2005a. Ukraine's Orange Revolution. Yale, New Haven. Wilson, A., 2005b. Virtual Politics. Yale, New Haven.

Перевод с английского Артёма Смирнова